

ЮНОСТЬ

12
1974

ПОГОВОРИМ
О
ПРОЧИТАННОМ

Эрнст ГЕНРИ

ЛИЦО МАО ЦЗЭ-ДУНА

Эта книга поразит многих. Приведенные в ней факты некоторым покажутся чудовищными. Никакой роман не может по драматизму сравниться с тем, что читаешь на этих страницах. Между тем речь идет о документальных данных. Автор — очевидец того, о чем пишет.

Книга П. Владимиров (Юсубов район Китая. 1942—1945», издательство АПН, 1973) — дневник связного Коминтерна и военного корреспондента ТАСС, посланного в мае 1942 года в Яньани, в тогдашний штаб Мао Цзэ-дуна. В течение трех с половиной лет Владимиров записывал все, что там видел, слышал и думал. Так как с самим Мао Цзэ-дуном он встречался почти день за днем и жил с ним рядом, то искать материал ему не приходилось. Едва ли кто-либо из ныне живущих за рубежом Китая людей имел возможность узнать так много о Мао Цзэ-дуне, его делах, взглядах, характере, как Владимиров, умерший в 1953 году.

Он был не только очень умным, но и на редкость наблюдательным человеком; примечал не только то, что выпирало наружу, но и то, что скрывалось. Читая его книгу, можно без труда следить за тем, что делалось в годы, когда Мао Цзэ-дун находился еще на пороге к власти, но уже готовился к тому, чтобы перейти порог. Его безумные планы замышлялись уже в то время. Тридцать лет назад Владимиров видел начало того, что происходит теперь. Прямой связью с нынешним временем и цены эти записки.

«Я не должен знать пощады к себе, — пишет он 8 января 1943 года, через восемь месяцев после приезда в Яньани. — Я должен писать правду. Я не дол-

жен лгать себе, искать компромиссных путей. Будут мои корреспонденции печатать или нет и как отнесутся к моим докладам в Москве — меня не должно волновать. Моя обязанность — писать правду. Я в долгу перед тысячами людей, которые гибнут в борьбе с фашизмом».

Так пишет Владимиров. Читая его дневник, понимаешь, что все это для него значило.

Тому, что он узнает, он поражается сам.

Вот портрет «великого кормчего», который Владимиров рисует в сентябре 1944 года, пробыл немногим больше двух лет в Яньани:

«Для него имеет ценность лишь тот, кто ему сейчас необходим. Все, что не полезно для него, — безразлично или вредно... Вне сферы личных интересов для него ничего не имеет смысла. В том числе и революция... Все воплощает власть. Пути к наивысшей власти — единственно праведные... Все прах, кроме власти... — это единственно стоящий смысл жизни, это оправдание всего, это праздник, это все-все... Партия и народ — всего лишь фикции (некие абстрактные величины), которые служат его целям... Он калечит марксизм всякий раз, когда философия этого учения приходит в противоречие с его личными взглядами... Принципы связывают миллионы людей, он выступает от имени принципов, но сам чувствует себя свободным от этих принципов».

Владимирову нелегко к таким выводам; это слишком мучительно для убежденного коммуниста. Но он не может закрывать глаза и лгать самому себе. Еще раньше он записывает о Мао Цзэ-дуна: «Встречи на протяжении почти четырнадцати месяцев дают мне достаточное представление о нем. Его ученость — показная. За ней пустота». Запись в другой день: «Как трудно иметь дело с людьми, влюбленными в свою мудрость! Как причесать жестокость под обходительностью, округлые жесты, мирный говорок!»

Как же обстоит дело с идеями партии, с принципами, обязательными для каждого ее члена? Владимиров приходит к следующему выводу: «Принцип демократического централизма в КПК заменится подавлением любого несогласия с «председателем Мао» и превращается в то рабство по убеждению, о котором язвительно писал Маркс в свое время».

Фальсификация принципов практикуется все время. «Опыт общения с Мао убеждает меня в том, что он правдив лишь тогда, когда это отвечает его интересам. Для него не существует моральных норм. Есть сила или возможность чего-то добиться (пусть самыми грязными средствами) — делай! Доводы найдутся потом!»

Таковы «убеждения» Мао Цзэ-дуна. Все это политика. Какова его личная жизнь? Можно ли назвать его чистоплотным революционером по крайней мере в этом отношении? Нельзя избежать и такого вопроса. Пусть опять отвечает очевидец.

Из записи 17 января 1943 года: «Мао Цзэ-дун и его окружение устраивали пирушки: музыка, девичьи, основательная вышивка, любовные утехы... Золотая одежда, «скудная» пища, показная скромность, клятвы о дружбе, заботы о народном благе — и все ложь...»

20 мая 1943 года: «...Напускает на себя этукую многозначительность. А сам любит поест, выпить, потанцевать, поразвлечься с девицами, хотя для всех проповедует жесточайший революционный аскетизм. Он старательно создает о себе представление, как о мудром правителе в традиционном китайском духе».

15 ноября 1944 года: «Мао ленив... его слабость — вкуسو поест. Ест он много. Фрукты, орехи поставляют специально и лучшего качества».

Все это происходит в годы, когда значительная часть страны захвачена японцами и простые китайцы в освобожденном районе живут впроголодь, отказывают себе во всем. Владимир, выйдя из это, с трудом сдерживает гнев. Прекрасно знает, как мучаются его соотечественники, и сам Мао Цзэ-дун. Но он считает, что стоит над людьми; ему позволено. Хотя в Яньани он живет не во дворце, как сейчас, а в обшаренных тесом пещерах, его личная жизнь уже тогда напоминает быт прежних китайских мадаринов и богдыханов.

Другой существенный вопрос: кто окружает Мао Цзэ-дуна? Кто ему помогает в его делах? Многие из тех, кто был к нему близок в Яньани, еще живы. Владимир знал их всех и каждому дает вдумчивую характеристику.

Известно, что одну из главных ролей за кулисами пекинского двора по сей день играет жена Мао Цзэ-дуна Цзян Цин. «Ее заботит только карьера...» — пишет Владимир. — Сейчас в ее руках все секретная перипетия мужа. Она в курсе его планов... Мао Цзэ-дун полностью под ее влиянием... Цзян Цин ловко и неназойливо подталкивает своего мужа к решению самых различных вопросов, и отнюдь не семейных...»

Вот второй человек при Мао Цзэ-дуна, глава его карательного аппарата, Маютао Скуратов «великого кормчего»: Кан Шен. Он также еще жив. Это авантюрист самого зловещего толка, человек, не останавливающийся ни перед какими преступлениями, занимающийся самыми изощренными пытками. Втихомолку его называют «осенним министром»: в древней китайской литературе это значило «министр, сиюй смерть в народе». Владимир сообщает, что именно Кан Шен, действуя тогда вопреки ЦК КПК, свел Мао Цзэ-дуна с Цзян Цин, недовольные были «обработаны» «осенним министром». С помощью Цзян Цин Кан Шен сумел затеять добывать огромной власти. Как при дворцах старых богдыханов, альковные тайны тоже играют свою роль в маоистской политике.

«Любопытно, что именно личности неразвитые, посредственные, развращенные или чем-то неполноценные предпочитают службу в карательных органах», — пишет Владимир, говоря об аппарате Кан Шена. — Готовность к насилиям и казням, лжесвидетельствам и доносам обеспечивает им если не быстрое выдвижение, то уж во всяком случае существование без нужды». «Отравление — излюбленное средство расправы у сторонников Мао Цзэ-дуна», — добавляет автор в другом месте.

Владимир рассказывает и о других бывших советниках Мао Цзэ-дуна, нынеших пекинских вельможах. Политическая и моральная распыровка некоторых из этих лиц весьма любопытна. Какой мелкой и уродливой выглядит маоистская группа, если рассматривать ее с близкого расстояния!

Было бы, однако, грубейшей ошибкой отождествлять эту группу хоть в самой минимальной мере со старой, революционной Китайской компартией. Те, кто создавал эту партию и боролся в ее рядах в решающие годы подпольной жизни и прихода к власти, были чистыми людьми и настоящими героями. Рядовые коммунисты без колебаний, тысячи отдавали свою жизнь за дело народа. Они были убежденными интернационалистами и верными друзьями Советского Союза. Именно с ними и стала распыляться группа Мао Цзэ-дуна, начав это дело еще в те годы в Яньани, и даже раньше.

Владимир подчеркивает противоречия между интернационализмом и национализмом, маоистским крылом КПК. Он рассказывает, как систематически Мао Цзэ-дун и Кан Шен травил Ван Мина,

одного из действительных основателей КПК и руководителя верных Советскому Союзу сил в партии. Делались попытки отравления Ван Мина с помощью вредных лекарств; так во времена Борджиа действовали феодаи.

Непрерывной травле подвергалась и прогрессивная китайская интеллигенция. «Он (Мао Цзэ-дун. — Э. Г.) физически и нравственно изводит интеллигенцию, заменяя ее своими начетчиками и начетничеством», — записывает Владимир 14 марта 1944 года. — Причем этот курс проводится по отношению к представителям интеллигенции, принципиально примкнувшим к революции... Вместо делового сотрудничества с интеллигенцией Мао Цзэ-дун фактически культивирует подозрительное и оскорбительное отношение к ней».

Мы знаем, что то же в еще более грандиозных масштабах было проделано 20 с лишним лет спустя в ходе так называемой «культурной революции». Еще не подсчитано, сколько честных китайских коммунистов пало жертвами. Террор в Яньани был только репетицией.

Записи Владимира доказывают и другое. Антисоветизм группы Мао Цзэ-дуна зародился отнюдь не в 60-х годах, когда маоисты открыто порвали с мировым коммунистическим движением и стали нападать на СССР. Он был присущ им с самого начала, также еще в Яньани и до того. Владимир убедился в этом.

«...В КПК, — пишет он, — национальное становится главным идеологическим пунктом программы, а интернациональное — только словесной ширмой. Это чувствуешь на каждом шагу. Мао Цзэ-дун рассматривает СССР не в качестве идеального союзника и друга, а как попутчика, которого следует любыми средствами «донять».

И далее: у маоистов «националистические цели есть главные и самодовлеющие».

Мало того, Владимиру пришлось установить, что Мао Цзэ-дун с самого начала второй мировой войны считал СССР обреченным на гибель и делал из этого свои выводы. «Руководство КПК нет дела до главной борьбы трудящихся всех стран — борьбы с фашизмом», — записывает автор 9 мая 1943 года. Это тоже звучит невероятно. Но Владимир вновь и вновь находит подтверждения своему выводу, и это продолжается почти до конца войны. Запись 30 августа 1944 года, когда советские войска уже полным ходом движутся к границам Германии: «Мао Цзэ-дун считает, что СССР ослаблен войной. Это предубеждение заставляет его не активизировать политику защиты интересов СССР, а переориентироваться на Соединенные Штаты. Создается впечатление, что ему даже было бы на руку наше действительное ослабление».

В чем разгадка? Почему Мао Цзэ-дун и его группа с такой злобой относились и относятся к Советскому Союзу, державе, помощь которой так бесконечно много дала китайскому народу и китайским коммунистам?

Не потому, что у китайского народа были или есть какие-либо национальные интересы, отделяющие его от Советского Союза. Никаких таких интересов нет. Суть в том, что основным побуждением маоистов с самого начала была не борьба за коммунизм, а план создания некоей новой сверхдержавы в Азии, державы, поглощающей ряд ныне независимых стран на этом континенте и осуществляющей захватнические цели старых китайских богдыханов.

Маоисты знали, что не могут рассчитывать на помощь Советского Союза в такой политике, не имеющей ничего общего с интересами коммунизма. Отсюда их антисоветизм. Они брали у СССР сколько

могли, но втайне годами готовились повернуться против него. Заслуга Владимиров в том, что он это ясно понял уже в те годы. Вывод, к которому он приходит, таков:

«Исторический обман и подлог — вот метод захвата власти Мао Цзэ-дуном... Именем социализма Мао предают социализм, именем Коммунистической партии он уничтожает Коммунистическую партию, именем демократии — утверждает террор».

Немногим авторам политических воспоминаний выпала такая судьба, как Петру Владимирову. Его миссия в Яньани оказалась одной из самых тяжелых миссий, которые в наше время кому-либо поручались.

Видеть своими глазами начало страшного предательства мнимого друга, видеть и не иметь возможности активно противодействовать — это труднее задания в тылу опасного врага.

Как трудно ему приходилось, показывает запись 12 декабря 1944 года:

«Сплю я скверно. Очень мало и беспокойно. Если бы хоть на день сбросить это напряжение. Ну только бы на один день!»

Не было таких дней. Так люди учатся выдержке.

Нужно не только читать, но и задумываться над этой книгой. Маоизм еще не сходит с мировой сцены. Он накапливает силы, готовит авантюристические планы, старается ставить палки в колеса содружества социалистических стран. Он ищет союзников в стане НАТО, сблизается с международной реакцией, пытается внедриться в молодежные организации в капиталистическом мире, чтобы вовлечь их в свои авантюры.

Рано или поздно маоисты потерпят крах. Вполне возможно, что нынешние поколения увидят это своими глазами. Но преуменьшать исходящую от маоистов угрозу интересам народов не приходится.

Хотя записки Владимиров писались в 40-х годах и хотя редакция не устранила некоторые неточности, книга сохраняет свою актуальность. Такие документы помогают читателю сегодня проникать в глубь смысла событий, понимать подлинное значение сообщений, которые день за днем печатают газеты. Я думаю, что эта книга должна найти свое место в каждой библиотеке Советского Союза.

Петр Вегин

В пикассовской голубке
узнаю лицо матери.
В каждой эмблеме мира
вижу лицо матери.
Жалко, нету Пикассо,
он бы подтвердил, что,
сидя крыльями к свету,
она позировала ему
для голубки,
а вместо ветви оливы
держала меня на руках.

Вот и осела земля на могиле отца,
и стрелки травы показывают полдень.
Или полночь! Спроси звезду.
Спроси траву об отце. Скажи
траве о себе. Чем набухло сердце,
что не дает спать разуму, — все
скажи траве. Скажи отцу. Эти
зеленые перископы земли когда-нибудь
поднимутся и над тобой.
И пусть будет кому
спросить траву о тебе.

Светляки

Светляки, светляки, светляки —
как рассыпанные медяки
иль на мокнувших мостовых
стоп-сигналы такси nocturnых...
Ночь в горах, деревьям зябко.
Мы от мира далеки.
Марсианскою морзянкой
к нам слетают светляки.
Все уснули, все забылись —
люди, камни, рюкзаки...
В твои волосы забились
светляки, светляки.
Убежим к ручью лесному,
чтобы спящим не мешать.
Я волос твоих соломой
не могу не целовать.
Пусть серебряною меткой,

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

- Евген ГУЦАЛО. Осенние проводы. Рассказ. Перевел с украинского Николай Котенко 3
- Гурам ДОЧАНАШВИЛИ. Тысяча мелких забот... Рассказ. Перевела с грузинского Элисо Джалиашвили 9
- Ф. НАСЕДКИН. Трудная радость. Роман. Окончание 18
- Ираклий АНДРОНИКОВ. Обед в честь Качалова 42
- Наталья ХМЕЛИК. Все, как есть... Рассказ 50
- Иван ВАСИЛЬЕВ. Егоркины хлопоты. Рассказ 54

ПОЭЗИЯ

- Марк ЛИСЯНСКИЙ. Алый парус 2
- Иван ДРАЧ. «Я возвратился по родным проселкам...». «Все та ж — как дымка миража...». Перевел с украинского Лев Смирнов 15
- Виктор КОРНЯК. «Мы расстаетесь без труда...». «Шел через двор, шел напрямик...». «Мы встретились, два тайных гордеца...» 15
- Людила ПРОЗОРОВА. Сыну. Два четверостишия. «Я не читаю у моря...» 16
- Даниил ДОЛИНСКИЙ. «Там, где Лысую гору у Болги...». «Гроза подействовать хотела...» 16
- Бахтияр ВАГАБЗАДЕ. Воспоминания. Как красоты бывают облака. Перевели с азербайджанского А. Шерешевский, А. Передреев 17
- Александр КУШНЕР. Объяснение в любви. Посещение. «Обвет тишиной и лесом темнокрылым...». «Едкий дымок мандариновой корки...». «Ты птицу белую сажаешь...». «Не соблазнил меня парчой...». «Вот женщина: пробор и платя вырез милый...» 40
- Николай ПАНЧЕНКО. Чайковский в Клину. «Листы облетели, и ветер...». «Снова вверх берет усталость...». «Потише, потише, потише...». Песенка 41
- Петр ВЕГИН. «В пикассовской голубне...». «Вот и осела земля на могиле отца...». Светляки. Питер Брейгель Мужичий 74
- Александр БОГУЧАРОВ. Памяти плотогона. Наследникам 75
- Леонид ЛАТЫНИН. «Все тот же мир глядит в лицо...» Майские стихи. Возвращение к дому. «Как птицам крохи со стола...». Июльский мотив 76

КРИТИКА

- Александр НАВОЗОВ. Крылья жар-птицы (К нашей вкладки) 64
- Владимир ОГНЕВ. Достоинство профессии (Дневник критика) 66
- Римма КАНДЕЛАКИ. Убедительность таланта 71
- Эрнст ГЕНРИ. Лицо Мао Цзэ-дуня (Поговорим о прочитанном) 72
- Наша почта 77

ПИСЬМО ДЕКАБРЯ

ИЗ ПРОШЛОГО

ПУБЛИЦИСТИКА

НАУКА И ТЕХНИКА

ЗАМЕТКИ

И КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

РУКУ, ТОВАРИЩ

СТРОИТЕЛИ

СПОРТ

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

- Александр КРОНИК. Молодость маршала 79
- Лариса ИСАРОВА. Поджигатель из 9-го «Б» 85
- Н. ПРОКОФЬЕВА, М. КАРЛОВ. Где сходятся параллельные... 90
- Н. ЗЕНЬКОВИЧ, М. КАТЮШЕНКО. Мина для гауляйтера 96
- Э. ФИНН. А ты хочешь стать египтологом? 97
- В. ПРОВОРОВ. Праздник в Тобольске 99

- Евгений ЛОВЧЕВ. О моем футболе с надеждой 101
- Ираклий АРКАНОВ. В этом мире много миров 105
- Игорь ФИЛЕНКОВ. Анселерация 107
- Содержание журнала «Юность» за 1974 год 108

Главный редактор
Б. Н. ПОЛЕВОЙ

Редакционная коллегия:
А. Г. АЛЕКСИН,
В. И. АМЛИНСКИЙ,
В. И. ВОРОНОВ
(зам. главного редактора),
В. Н. ГОРЯЕВ,
А. Д. ДЕМЕНТЬЕВ
(зам. главного редактора),
Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ
(отв. секретарь),
К. Ш. КУЛИЕВ,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ,
В. Ф. ОГНЕВ,
С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. П. ПРИЛЕЖАЕВА

Художественный редактор
Ю. А. Цишевский.

Технический редактор
Л. К. Зябкина.

На 1—4-й стр. обложки
рисунок Б. КОТЛЯРА

Адрес редакции:
101524, ГСП, Москва, К-6,
Улица Горького, № 32/1.
Телефон редакции: 251-32-83.
Репродукции
не возвращаются.

Сдано в набор 27/IX—1974 г.
А 09331.
Подп. к печ. 12/XI—1974 г.
Формат 84×108^{1/8}.
Объем 12,18 усл. печ. л.
17,62 учетно-изд. л.
Тираж 2 600 000 экз.
Изд. № 2734. Заказ № 2819.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Из произведений
скульптора
Игоря ВАСИЛЬЕВА

Лауреат премии
Ленинского комсомола
Латвийской ССР

Мая Плисецкая (дерево).

Николай Островский (чугун).

Борис Пастернак (дерево).

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

